

ПРИЗРАК БРОДИТ ПО ЕВРОПЕ. ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Заметки на полях неоклассиков

Управление собственностью как практическая задача – феномен новейшей истории, дело двадцатого века. Собственно, сама по себе собственность обреталась до того лишь в ученых трактатах. Титульному владельцу конкретной фазенды или мануфактуры достаточно было нанять приказчика либо управляющего, который знает толк в своем деле. «Собственность вообще» (как нечто доступное опредмечиванию и управлению) появляется в поле зрения одновременно с «капиталом вообще». Для Маркса управление собственностью было синонимично ее конструктивному «уничтожению» - *aufgeben* (т.е. поэтапному овладению-снятию).

В практике такая задача встает назавтра после массовых экспроприаций либо военных захватов перед уполномоченными наркочаинами и гауляйтерами. Чуть позже и в иной форме чаша сия не миновала революционера Рузвельта. Ближе к концу века с ней столкнулись обладатели разношерстных холдингов, наскоро слепленных конгломератов, куч брошенного государством или «прихваченного» добра, которое уже в силу своей разнородности охватывается только понятийной рамкой «собственности» как таковой.

Управление собственностью не сводится ни к одной из частей классической триады «владение, распоряжение, пользование» и не покрывается ими, даже взятыми вместе. До недавних пор собственностью, независимо от того, кто ее титульный владелец, заботливо управляли «невидимые руки» социальных институтов. Новые институционалисты поставили вопрос ребром: или – или. Уильямсон фактически воспроизводит в новых условиях известный «тезис о Фейербахе»: институционалисты лишь различным способом объясняли транзакционные издержки, но дело заключается в том, чтобы минимизировать их.

Транзакционные издержки – дань, которую крышующие институты взимают с каждой хозяйственной единицы. По сути дела, эти издержки следовало бы назвать просто «институциональными».

Коуз в тридцатые годы заподозрил, что современная предпринимательская «фирма» предназначена как раз для борьбы с институциональными издержками, и поэтому не имеет прямых исторических аналогов. Спустя четверть века тот же Коуз прямо назвал первого противника фирмы – **институт права**.

Эгертсон в своей замечательной обзорной книге¹ практически наткнулся на второй источник издержек – **институт денег**. Он пишет, что «в контексте чисто неоклассической модели использование денег является практикой, которая дорого обходится и лишена какого-либо экономического смысла» (Там же, стр. 213), что стандартные экономические модели «не дают никакого аналитического объяснения существованию денег» (Там же, стр. 251). В частности, в моделях, где информация бесплатна, деньги не нужны, «ибо агенты могут уладить свои расчеты посредством *многостороннего клиринга*» (Там же, стр. 253).

Осталось сделать последний логичный шаг: увидеть транзакционные издержки, порождаемые **институтом капитала**. Однако этот шаг уже сделан Марксом в 40-е – 60-е годы XIX века. С него и начинается история институционализма.

Понимание природы институтов – слабое место, родовая травма новых институционалистов. Бергер и Лукман в известном трактате² по социологии знания растолковывают: «Процесс, посредством которого экстернализованные продукты человеческой деятельности приобретают характер объективности, называется *объективацией*. Институциональный мир – как и любой отдельный институт – это объективированная

Публикуется впервые.

¹ Т. Эгертсон «Экономическое поведение и институты». М., 2001

² Бергер, Лукман «Социальное конструирование реальности». М., 1995

человеческая деятельность». Авторская ссылка на термине «объективация» адресует читателя напрямую к марксовым понятиям «овеществления» и «самоотчуждения». Неоинституционалисты покуда до них не добрались, однако подают надежды.

Профессор Дуглас Норт не любит пролетариата, но с уважением пишет о «трудах Карла Маркса» как о «пионерных усилиях», направленных на выяснение связи «технологических изменений с институциональными изменениями»³ (стр. 168). Оливер Уильямсон без лишних церемоний пускает в дело конкретные разработки Маркса, как если бы тот был одним из аспирантов Коуза (Там же, стр. 156, 371, 390). Эггертсон, обобщая ряд работ коллег-институционалистов, замечает: «Общепризнано, что первым ученым, создавшим свою теорию прав собственности, был Карл Маркс». Формулируя одну из главных гипотез нового институционализма, он делает трогательную оговорку: «Этот пункт характерен для мышления выдающихся экономистов от Маркса до Алчяна» (Там же, стр. 48, 233).

Действительно, выдающиеся новые институционалисты, такие как Уильямсон и Алчян, находятся на пути к тому, чтобы очертить контуры программы *конструирования организаций, нацеленных на преодоление институциональных издержек*. Уильямсон выступает как адвокат, а затем и знаменосец тех предпринимателей, что «заменяют классический рыночный обмен» на «нерыночные способы экономической организации» и договаривается до необходимости в «специалисте по институциональному проектированию», который сможет «разработать структуры управления» собственностью. (стр. 61-62, 65, 67, 69, 88). А от этого пункта уже рукой подать до теоретической программы практического преодоления объективации, которую Маркс, еще не испорченный марксизмом, сформулировал в 1844 году: Снятие самоотчуждения проходит тот же путь, что и самоотчуждение... Уничтожение отчуждения исходит всегда из той формы отчуждения, которая является господствующей силой. (Экономическо-философские рукописи 1844 г.)

Призрак бродит по Европе. Институционализма.

2003.08.31

³ Д. Норт «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики». М., 1997